

ПРОБЛЕМА АКТИВНОСТИ СОЗНАНИЯ В РОМАНЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО «КОТИК ЛЕТАЕВ»

© 2015 В.Е.Егоров

Самарский государственный университет

Статья поступила в редакцию 15.12.2014

В данной статье рассмотрена проблема активности сознания в романе Андрея Белого «Котик Летаев» и проанализирована специфика авторского решения этой проблемы.

Ключевые слова: активность сознания, отчуждение, литература XX века.

С.Г.Бочаров называет проблему активности главной проблемой XX века, по отношению к которой «самоопределяются художественные системы»¹ века. Исследователь подразумевает прежде всего активность сознания, «изменившуюся механику отношений воспринимающего сознания с миром»². Форма «потока сознания» в двух ее крупнейших разновидностях (у Пруста и Джойса), по мысли Бочарова, представляет собой художественную реакцию на эту проблему, характерную для произведений, поставивших на место героя его сознание, причем прустовский и джойсовский поток сознания дают совершенно противоположное решение проблемы.

Рассматривая роман Андрея Белого «Котик Летаев» в данном контексте, мы можем убедиться, что в произведении воплощается стратегия, очень близкая к прустовской. Главный герой как будто «останавливает» течение жизни, чтобы начать вспоминание прожитого – этот момент является начальной точкой повествования:

«Здесь, на крутосекущей черте, – в прошлое я бросаю немые и долгие взоры...

Мне – тридцать пять лет: самосознание разорвало мне мозг и кинулось в детство; я с разорванным мозгом смотрю, как дымятся мне клубы событий; как бегут они вспять...

Прошлое протянуто в душу; на рубеже третьего года встаю пред собой; мы – друг с другом беседуем; мы – понимаем друг друга»³.

Сознание героя тоже сталкивается с проблемой, обозначенной уже на первых страницах произведения – это проблема самопознания. При этом ставится она автором с неслыханной до этого смелостью, на что указывает эпиграф из «Войны и мира» Л.Н.Толстого:

« – Знаешь, я думаю, – сказала Наташа шепотом... – что когда вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того доспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете...»⁴

Самопознание у Белого стремится к крайнему пределу и выходу за свои пределы к познанию объективной реальности. Герой преодолевает отчуждение (см., например, ощущения юного Котика: «Нет, не нравится мир: в нем все – трудно и сложно. Понять ничего тут нельзя»⁵), причем путь его преодоления максимально субъективен. Герой ставит своей задачей последовательное точное вспоминание всех состояний сознания, начиная даже не с детства, а с момента зарождения личности. При этом границы личности раздвигаются у Белого как никогда раньше: начальные главы романа посвящены такому глубокому вспоминанию себя, что «Я» ощущается и описывается как набор специфических физических ощущений в диапазоне от давления до жара.

Здесь несомненно влияние антропософской концепции Штейнера, которую, как известно,

⁰ Егоров Владимир Евгеньевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы. E-mail: vee90@ya.ru

¹ Бочаров, С.Г. Пруст и «поток сознания» / С.Г.Бочаров // Критический реализм XX века и модернизм: сб. статей / Академия наук СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького; ред. коллегия: Н.Н.Жегалов и др. – М.: Наука, 1967. – С. 198.

² Бочаров, С.Г. Пруст и «поток сознания» – С.234.

³ Белый, А. Котик Летаев / А.Белый. – Петербург: «Эпоха», 1922. – С. 9.

⁴ Белый, А. Котик Летаев– С. 9.

⁵ Белый, А. Котик Летаев– С. 278.

разделял Белый и которая отразилась и в других его произведениях. Саму антропософию Штейнер определял как «*познание*, осуществляемое в человеке его высшим «Я», «научное исследование духовного мира», «*путь познания*, стремящийся привести духовное в человеке к духовному во Вселенной... [возникающая в человеке] как потребность сердца и чувства» (курсив наш)⁶. Человек в антропософской концепции является телом, душой и духом; духом управляет закон перевоплощения⁷. Котик Летаев «расширяет» свою память, стремясь выйти за пределы одиночного воплощения собственного духа.

Непроизвольному процессу постижения всей глубины и изменчивости своей и чужой личности у Пруста Белый противопоставляет намеренное, направляемое духовным учением движение героя вглубь. Мир Пруста, неспеша, выплывает из дремоты главного героя, рождается из положений его спящего тела и оформляется в неожиданных поворотах пробуждающейся мысли. Мир «Котика Летаева» весь предопределен решающей первой фразой повествователя, повернувшей его взгляд с «крутосекущей черты» далеко назад.

При общем сходстве того пути, что проходит познающая личность у обоих авторов, открытия, поджидающие героев, и само усилие по проникновению в непознанное различны. Так, напряжение Марселя по постижению иррационального обрастает плотью точных понятий, тонких эмоций, изысканных метафор; его призвание – стать писателем, облечь опыт в слово, и призвание это находит Марселя, как это ни удивительно, в 7-м томе «его» произведения. Герой же Андрея Белого скорее слову не доверяет. Приведем отрывок из финальной главы «Распятие».

«Мне бессказочно все в этот год, но я переполнен какой-то невнятной правдою; провозгласи ее я – и огромное Слово опустится: в слово мое; и – новые блески зажгутся; и ко мне склоненные старики – папа мой, Полиевкт Андреич Дадарченко, Федор Иваныч Буслаев, Сергей Алексеевич Усов, мой крестный, – огромную правду мою понесут по мирам: затрясут очкастыми головами; и – рывкнут:

– "Воистину так это, Котик!"

Но – нем: –

– Правду высказать невозможно: она горит в сердце, к которому опускаю глаза – опускаю: смотреть себе в грудь: во мне поды-

мается жест; две ладони подьемлют мне... воздух: у сердца; и этот воздух мне – сладкий.

Он – веет в лицо мое.

Чем?»⁸

Исходная ситуация познающего субъекта в данной сцене и в хрестоматийной сцене с пирожным Мадлен у Пруста оказывается на удивление схожа, и ситуация эта чуть ли не физического плана: в той точке, где Марсель чувствует «широко разлившееся» по телу «сладостное ощущение», Котик Летаев оказывается «переполнен невнятной правдой». Абстрактное ощущение требует конкретного рационального истолкования – и герой Пруста, подбирая вербальные аналоги своих переживаний, подходит к решению этой проблемы максимально близко, тогда как Котик Летаев терпит на этом пути поражение (очевидно отсылающее к тютчевскому «Silentium»). «Огромное Слово» не «спускается» в вещественное слово героя. Первоначальные физические ощущения (жар Правды в сердце) претворяются в субстанцию той же самой природы – в жест (ладони, подымающие воздух) – и сопровождаются ими же (веяние ветра, «сладость» вкуса). Еще одна попытка словесного истолкования – вопрос, адресованный герою самому себе – разрешается молчанием. Коммуникация так и не состоялась на новом уровне, но это коммуникативное поражение обращено Белым в победу: «невыразимое» остается в физическом плену – и поэтому говорит языком тела.

Отказ от вербальности в процессе познания истины принимает в романе и иные формы, например, интерес к знаку. В главе «Папа» юный Котик заморожен спиралью, которую рисует для него отец: «И чертит и вертит под носом моим карандашиком звенья спирали; и впечатляет мне в душу; и точки моих впечатлений – дробятся; и риза мира колеблется»⁹. Обнаруженные же им в книгах отца математические знаки и вовсе ошеломляют своим значением:

«Вот, бывало, заря; вот – оконная рама; вот – я: бабушка, мама и я – мы живем своей жизнью; а папа врывается... из-за книжного шкафа; и – убегает обратно: к корешкам толстых томов, таящих в себе все какие-то гиероглифы: –

– дифференциал, интеграл!

– я их знал: до рождения!»¹⁰.

Однако невозможность словесного воплощения истины вовсе не принимает в повести всеобъемлющий характер. Подтвердим этот тезис

⁶ Унгер, К. Что такое антропософия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=667>

⁷ См.: Философская энциклопедия / общ. ред. В.Е.Кемеров. – М.: Изд-во "Панпринт", 1998. – 453 с.; Новейший философский словарь / сост. А.А.Грицанов. – Минск: «Книжный дом», 2003. 1280 с.

⁸ Белый, А. Котик Летаев– С. 285.

⁹ Белый, А. Котик Летаев– С. 125 – 126.

¹⁰ Белый, А. Котик Летаев– С. 122 – 123.

на материале первых глав «Котика Летаева». Первейшие воспоминания себя герой нарекает «безобразными бредами», тем самым отрицая как рационально-вербальный, так и образный их характер. «Бреды» эти чисто физической природы: «небывалость, невыразимость лежания сознания в теле... какое-то набухание в никуда и ничто» (курсив наш)¹¹. Вербализация их несколько условна, даже оксюморонна:

«Так бы я ступил словом неизреченность востания моей младенческой жизни: –

– боль сидения в органах; ощущения были ужасны; и – беспредметны [...]

– состояние натяжения ощущений; будто все-все-все ширилось: расширялось, душило; и начинало носиться в себе крылорогими тучами» (курсив наш)¹².

В плотную стихию «бредового» воспоминания начинают просачиваться первые образы, или, словами Котика Летаев, «первое подобие образаросло на безобразии моих состояний»¹³. «Переживающим себя шаром» ощущает Котик Летаев; образ этот еще не освободился от власти физического: «переживающий себя ощущал лишь – «внутри»; ощущались неодолимые дали: с периферии и к... центру»¹⁴. Характерное смешение чувственного, вербального и образного формирует следующий отрывок текста:

«Продолжаю обкладывать словом первейшие события жизни: –

– ощущение мне – змея: в нем – желание, чувство и мысль убегают в одно змееное, громадное тело: Титана; Титан – душит меня; и сознание мое вырывается: вырвалось – нет его... –

– за исключением какого-то пункта, низверженного –

– в нуллионы Эонов! –

– осилить безмерное...

Он – не осиливал»¹⁵

Первым полноценным образом, всплывающим в памяти Котика Летаева, оказывается образ старухи: «Безобразие строилось в образ: и – строился образ»¹⁶. Проследим этапы его построения – от примитивно-чувственного к многосложному живописному. Старуха эта «шаровая и жаровая», она «влипла» в героя и «набухает» в нем. Герой «наливался» старухой, «протяжение, натяжение в окружающем» оказывалось «откро-

венно старушечьим». Кульминация построения образа содержит впервые возникающий портретный элемент:

«Я не знаю, когда это было, но я... подсмотрел ее: у себя за спиной, –

– когда она, описывая в пространстве дугу, рушилась мне прямо в спину: из ураганов красного мира, стреляя дождями карбункулов; выгнулась ее бело-каленная голова с жующим ртом и очень злыми глазами; я несся в пропасть; и надо мною утесами света и жара она ниспадала – мне в спину; и, ухвативши за спину, описывала со мною в пространствах, – колеса... –

– Сам я был колесом»¹⁷.

Окончательно сформированный образ нуждается в осмыслении, и здесь происходит даже что-то вроде прустовской работы: «Думаю, что "старуха" – какое-либо из вне-телесных моих состояний, не желающих принять "Я" и живущих: глухую, особую, стародавнюю жизнью; эта жизнь прорастает порою: у впадающих в детство старух, сумасшедших; и носится по июльским ночам грозowymi зарницами»¹⁸.

Итак, словесному оформлению в данном отрывке текста у Белого предшествует целая чувственная и образная жизнь сознания; вербализация является необходимой задачей повествователя Котика Летаева, но в процессе познания она не занимает главенствующую позицию, уступая место более древним формам – телесным в широком смысле и живописно-образным. Если в романах Пруста слово это итог познавательного пути, то для Котика Летаева это только начало. В «Глоссолалии» и других работах Белый формулирует следующую мысль: между словом и явлением (или звуком и образом) есть изначальное соответствие. Поэтому, прислушиваясь к звучанию слова, всматриваясь в образ, который заключен в нем, познающий субъект из этой точки отправляет свое сознание по рельсам постижения мира к объективному, к Слову в высшем смысле, к истине.

Мы пришли к выводу, что в романе Андрея Белого «Котик Летаев» воплощена стратегия, утверждающая приоритет сознания над внешним фактом (по Бочарову, прустовская стратегия, противостоящая джойсовскому приоритету факта над сознанием). Котик Летаев, как и герой Пруста, отталкивается от элементов объективной действительности, прилагает усилие с целью прорваться к сути вещей. Однако герои Пруста и Белого преодолевают отчуждение от мира каче-

¹¹ Белый, А. Котик Летаев– С. 15.

¹² Белый, А. Котик Летаев– С. 15 – 16.

¹³ Белый, А. Котик Летаев– С. 22.

¹⁴ Белый, А. Котик Летаев– С. 16.

¹⁵ Белый, А. Котик Летаев– С. 21.

¹⁶ Белый, А. Котик Летаев– С. 23.

¹⁷ Белый, А. Котик Летаев– С. 24 – 25.

¹⁸ Белый, А. Котик Летаев– С. 25.

ственно разными путями, хотя и приводящими к схожему результату. Для героя Белого оказываются важны не сводимые к словесной интерпретации чувства и образы, а слово является лишь отсылкой к объективной истине¹⁹.

¹⁹Егоров, В.Е. Модификации приема потока сознания в литературе XX века / В.Е.Егоров // Материалы XXXVII Самарской областной студенческой науч. конф., посвящ. 50-летию полета в космос Ю.А.Гагарина и Году российской космонавтики. Ч. II. Гуманитарные науки /

отв. ред. Ю.Л.Тарасов. – Самара: Изд-во «ООО «ИПК «Право», 2011. – С. 32 – 33; Егоров, В.Е. Специфичность приема потока сознания / В.Е.Егоров // Язык и проблемы коммуникации: материалы межд. студ. науч. конф., Самара, 11 мая 2011 года. – Самара: Изд-во «Универс групп», 2011. – 120 с.; Егоров, В.Е. Художественный потенциал формы потока сознания / В.Е.Егоров // Язык и репрезентация культурных кодов: материалы межд. науч. конф. молодых ученых, Самара, 11 – 12 мая 2012 г. – Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2012. – С. 213 – 215.

THE ACTIVITY OF CONSCIOUSNESS PROBLEM IN ANDREI BELY'S NOVEL «KOTIK LETAEV»

© 2015 V.E.Egorov^o

Samara State University

In this article we describe the activity of consciousness problem in Andrei Bely's novel «Kotik Letaev» and make an analysis of how the author solves this problem.

Key words: activity of consciousness, alienation, literature of the XXth century.

^o Vladimir Evgenyevitch Egorov, Postgraduate of Department of Russian and foreign literature. E-mail: vee90@ya.ru